

ЛИЧНОСТЬ В ПРИЗМЕ ПСИХИАТРИЧЕСКОГО МЕНТАЛИТЕТА
(КОММЕНТАРИЙ К СТАТЬЕ В.Д. МЕНДЕЛЕВИЧА). ЧАСТЬ 2*Евгений Владимирович Снедков^{1,2}¹Санкт-Петербургская психиатрическая больница св. Николая Чудотворца,
190121, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 126, esnedkov@mail.ru,²Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова,
кафедра психиатрии и наркологии, 191015, Санкт-Петербург, ул. Кирочная, д. 41

Реферат. Учение о «психопатиях» (позже – «расстройства личности») возникло во второй половине XIX века на основе социал-дарвинизма и теории прогрессирующей наследственной дегенерации Б. Мореля. Страсти, пороки, нестандартность из нравственных выборов превратились в «психопатологические признаки». Психиатры возложили на себя роль защитников общества от лиц с психиатрическими диагнозами. Открылся шлюз для использования психиатрии в полицейских целях. Биологические теории личности отменили презумпцию личной ответственности, поспособствовали распространению конформизма и тоталитаризма. Нет доказательств обусловленности отклонений от норм общественной морали патологией мозга и психики. Психиатрия, как любая наука, имеет границы компетенции. Психиатр оценивает состояние психических функций в норме и при патологии. Духовная сфера не может быть объектом научного исследования. Нет медицинских знаний, позволяющих объяснять мировоззрение и прогнозировать поступки. Нет методов терапии с доказанной эффективностью при «расстройствах личности». Показана несостоятельность диагностических критериев «расстройств личности» в международных классификациях. Психологические конструкции не должны становиться психиатрическими диагнозами. Полезные для практического здравоохранения и для врачебных экспертиз разработки в области персонологии предлагается сосредоточить в пределах класса МКБ-10 Z00-Z99 «Факторы, влияющие на состояние здоровья населения и обращения в учреждения здравоохранения». Врач должен быть независимым от моральных оценок поведения и обязан всегда оставаться на стороне интересов пациента.

Ключевые слова: психопатология, духовная сфера человека, расстройства личности, антисоциальная личность, гениальная личность, конформная личность, ошибочные научные доктрины, стигматизация психически больных.

PERSONALITY VIA THE PRISM OF PSYCHIATRIC
MENTALITY

(comment on V.D. Mendeleevich paper)

Evgeny V. Snedkov^{1,2}¹ St. Nicholas Psychiatric Hospital, 190121, St. Petersburg,
Moika River, 126, e-mail: esnedkov@mail.ru² I.I. Mechnikov North-West State Medical University,
Department of Psychiatry and Addiction 191015, St. Petersburg,
Kirochnaya street, 41

The doctrine of “psychopathy” (later - “personality disorders”) appeared in the second half of the XIX century on the basis of social Darwinism and B. Morel theory of progressive hereditary degeneration. Passion, vices, originality from moral choices

transformed into “psychiatric symptoms”. Psychiatrists have laid on the role of society defenders from the persons with psychiatric diagnoses. It has opened the floodgates for psychiatry use in police purposes. Biological theories of personality abolished the presumption of individual responsibility, contributed to the spread of conformity and totalitarianism. There is no evidence that deviations from the public morality norms are caused by the brain and mental pathology. Psychiatry, like any science, has its limits of competence. Psychiatrist assesses the state of mental functions in normal and pathological conditions. The spiritual sphere cannot be the object of scientific study. No medical knowledge can explain the world and predict behavior. No therapies exist with proven efficacy in “personality disorders”. The failure of the diagnostic criteria of “personality disorders” in the international classifications it is shown. Psychological structure should not become a psychiatric diagnosis. It is recommended to concentrate in the class within the ICD-10 Z00-Z99 “Factors influencing health status and contact with health services” useful for practical health care and medical expertise in the field of personology. The physician must be independent of the moral values of behavior and must always be on the side of the patient’s interests.

Key words: psychopathology, spiritual sphere of man, personality disorder, antisocial personality, genius personality, conformal personality, erroneous scientific doctrine, stigmatization of the mentally ill.

Лучи надежды во мраке дегенерации

*Это загадочные существа, большей частью
уже с раннего детства и чувствующие, и
мыслящие, и поступающие иначе, чем другие.¹*

Richard von Krafft-Ebing

Религиозные практики первых христиан были вызовом для традиционных устоев культуры языческого Рима. Тем самым, как утверждал историк Tacitus, они выказывали «ненависть к роду людскому». В чём только их не обвиняли: в чёрной магии, в совокуплениях с матерью, в жертвоприношениях людей, в употреблении в

^{*}Часть 1 была опубликована в 4 вып. за 2016 г.¹Так Krafft-Ebing в 1890 г. обобщил проявление психической дегенерации в «патологических характерах».

пищу человеческой плоти и крови...² Обратимся теперь к критериям диагностики «расстройств личности» в проекте МКБ-11: «Это относительно стойкое и всеобъемлющее нарушение в том, как индивидуумы воспринимают и интерпретируют себя, окружающих и мир, которое сопровождается неадаптивными паттернами когнитивной способности, эмоционального переживания, эмоциональной экспрессии и поведения. Эти неадаптивные паттерны являются относительно негибкими и связаны с существенными проблемами в психосоциальном функционировании, которые особенно очевидны в межличностных отношениях, проявляемых в широком диапазоне личностных и социальных ситуаций (то есть, не ограничены специфическими отношениями или ситуациями)». А сейчас вообразим, что римские императоры имели бы придворную психиатрическую службу – с библией под названием DSM, МКБ, – неважно. Угадайте, какой диагноз устанавливался бы христианам перед тем, как культурные римские граждане отдадут их диким зверям на растерзание? Требуется оговорка: хамелеоны с гибким адаптивным паттерном поведения, ренегаты, предатели, приспособленцы оставались в живых.

«Сон разума рождает чудовищ» (F. de Goya). Это верно. Верно и то, что самых кровавых чудовищ рождает «чистый разум», не осенённый стремлением к трансценденции (I. Kant). Раскрывая всё новые тайны природы, непрерывно преображая наш быт, мир вещей, земной ландшафт, «чистый разум» приумножает между тем вражду и дикое самоистребление. Постигая объектный мир, рациональная логика неспособна постичь его глубинные смыслы и не может объяснить свою итоговую иррациональность. Для преодоления этих фундаментальных противоречий прагматический рассудок использует защитный психологический механизм интеллектуализации (A. Freud³), выстраивая мировоззренческие концепции, каждый раз ригидно убеждая себя в их универсализме, в обоснованности избранного курса и в моральной правоте принимаемых решений. В те самые моменты, когда извращённые иссушенные догмы заводят человечество в очередной тупик, миру являются гениальные личности.

К концу XIX века от величественной эпохи Просвещения остались только рационализм и благая вера в духовное восхождение посредством научно-технического прогресса. Научное знание,

врачебное искусство прагматично обращались в рыночный товар. Биологические законы напрямую экстраполировались на социальные процессы. На базе теории естественного отбора возник социал-дарвинизм, с той же самой идеей выживания в борьбе за существование только самых приспособляемых. Образованную аристократию сменил более адаптивный средний класс, с его приземлённостью взглядов, с подменой идеалов чести, благородства, жертвенности ценностями безопасного и сытого благополучия, с корыстной жадностью овладеть природой, близоруким пониманием экономических выгод, тягой к бюрократии и отвержением индивидуальной нестандартности. Провозглашённый Кантом девиз Просвещения: «Sapere aude!» – «Имей мужество пользоваться собственным умом!» – исповедовали немногие. Побродив по Европе, призрак коммунизма свил подходящее себе гнездо в России, где идеи великих просветителей насчёт прозрачности власти и равенства граждан перед законом по старой недоброй традиции всегда воспринимаются ересью. Марксизм окончательно отрицает самоценность человека, видит в нём лишь орудие материального производства, приносит его и целые поколения в жертву химере будущего блаженства пролетариата [1].

Настоящая христианская мораль живого, творческого, дерзновенного преображения мира, – писал в 1916 г. русский религиозный философ-экзистенциалист Н.А. Бердяев, – редуцировалась в религию рабского послушания, в статичную старческую мораль благоустройства, оправдания социальной несправедливости, лицемерного приспособления к злу. Построенная на подавлении грехом, на трусливой заботе о спасении души, она лишила крыльев, принизила человека. Тем более – православная церковь. В отличие от проникнутого чувственностью, воображением, страстным томлением по Богу католичества, она распластывает человека перед Богом и перед властью, не благоприятствует культуре, не творит красоты⁴ «Мертвенно, косно-реакционно то религиозное сознание, которое не дерзает на творческий подвиг, на подвиг творчества познания или творчества красоты, потому что считает этот подвиг

³ Анна - младшая дочь З. Фрейда.

⁴Н.А. Бердяев, конечно, не отождествлял религиозную веру с религиозной традицией. Вера одна. Традиция зависит от того, как церковные иерархи интерпретируют (или хотят интерпретировать) библейские метафоры. Отождествлять веру с иерархами тем более нелепо.

лишь уделом святых». Творчество есть подлинная свобода человека. Подобие Божие – подобие Творцу. Святые ничего не творят, кроме самих себя. Гении творят великое, безмерно ценное для мира. «Путь личного очищения и восхождения может быть враждебен творчеству» [1].

Трансформации произошли и в культуре. Устремлённое к запредельному, наполненное космическим ветром, душевным трепетом, юношеской искренностью искусство Ренессанса сменилось общепонятным, утрачивающим индивидуальность натурализмом – попыткой возврата к имманентной античности, зеркалом осязаемого мира, предтечей талантливых цифровых фотографий. Уже появлялись образчики бесплодно тоскующего по аристократизму ширпотребного гламура.

Человечество стояло на пороге социальных катаклизмов, кровавых войн, тоталитарных режимов. «И когда страна доходит до такого нравственного положения, у сходящего со сцены поколения и у входящего на неё, у самой зелёной молодёжи и у самых отсталых стариков появляется страстное желание выйти из финансового хлева на свежий воздух» [8]. Многих это страстное желание выводит на бессмысленные баррикады. Бессмысленные потому, что «никогда нельзя посредством революции осуществить истинную реформу образа мыслей: новые предрассудки, так же как и старые, будут служить помочами для бездумной толпы» (И. Кант). У гениев оно воплощается не в смене декораций, а в созидательном творчестве, в революции духа.

Это сегодня мы восхищаемся произведениями Михаила Врубеля, Василия Кандинского,⁵ Казимира Малевича, Микалоюса Чюрлёниса, Константина Бальмонта, Андрея Белого, Александра Блока, Валерия Брюсова, Максимилиана Волошина, Зинаиды Гиппиус, Вячеслава Иванова, Дмитрия Мережковского, Фёдора Сологуба – многих наших замечательных представителей символистского течения в искусстве европейского модерна. Мы восторженно называем период их бессмертного творчества Серебряным веком русской культуры. Но в тот самый период, когда декаданс поразил всё общество, декадентами цинично нарекли тех, кто своим творческим подвигом ему противостоял.

В искусстве этих личностей раскрывалась сама природа творчества. По З. Фрейду, символы – это язык, на котором с нами общается наше Id – богатейший пласт бессознательного, базовые

структуры миропонимания, резервуар психической энергии, глубинная суть психики, то самое духовное измерение, которое в пресловутой «норме» с избытком сдерживается рационализирующим Ego и морализирующим Super-Ego. «Это предельно волнующий, но не собственный наш мир, из него исходит некое самосомнение, некие призывы к собственной экзистенции – и они благотворны, поскольку они инициируют какое-то превращение. Это взгляд в абсолютное, которое всегда от нас скрыто и открывается лишь в таких предельных воплощениях» (Jaspers К.). «Символ есть мост, переброшенный к сокровенной реальности. Символизм выходит за пределы среднего, устроенного, канонического пути. Творчество перерастает себя, рвётся не к ценностям культуры, а к новому бытию. ... Люди эти не шли ни на какие компромиссы с буржуазным духом, любили лишь мечту свою и жертвенно отдавали ей всю свою жизнь. Биографии этих людей потрясают своим трагизмом, своим особенным героизмом» [1].

В поиске новых смыслов и способов эстетического воздействия гений использует свой прежде никому неведомый, неповторимый стиль. Он не приспособливается к замшелым эталонам эпохи, отвергает бездарный конформизм, вступает в конфликт с господствующей ханжеской моралью. «Когда на свет появляется истинный гений, то узнать его можно хотя бы потому, что все тупоголовые соединяются в борьбе против него» (J. Swift). Особого накала эта борьба достигает в обществе, противостоящем духовному обновлению, почитающем приверженность социокультурным традициям идеализированного прошлого главным залогом устойчивого порядка. Самое прискорбное, членами ударной группировки были некоторые отечественные психиатры под предводительством московского душеведа-искусствоведа профессора Н.Н. Баженова. Заимствованными из арсеналов Ч. Ломброзо, В. Маньяна и М. Нордау зубодробительными терминами они беспощадно клеймили и «дегенеративные таланты», и их «патологическое искусство». Психопатологическое чутьё угадывало в нём опасную симптоматику «противоречий здравому смыслу», «спутанности сознания», «игнорирования реальности», «извращённой чувственности», «уродливости ассоциаций», «вычурности метафор», «нравственного дефекта» на почве «глубокого нерв-

---

⁵Троюродный брат В.Х. Кандинского.

ного истощения».⁶ Конечно, мнения учёных насчёт одного и того же гения могли не совпадать. Банальный «дегенерат», с точки зрения одних почтенных докторов, в фантазии других оказывался «высшим вырождающимся»; третьи усматривали в его отклонениях продолжение эволюции человеческого вида, «прогенерацию» с ещё незавершившимся рождением новых, а потому более уязвимых для душевных болезней тканей и функций мозга. Вокруг расхождений во вкусах (пardon, в «диагнозах») шли глубоко-мысленные дебаты. Подробную информацию обо всей этой психиатрической вакханалии читатель может почерпнуть из книги И.Е. Сироткиной «Классики и психиатры» [7].

В те же годы в среде психиатров родился жанр патографий. Он шествует по планете поныне. Среди всех великих художников, писателей, поэтов, композиторов вряд ли остался хотя бы один, посмертно не удостоенный психиатрическим диагнозом. Т.н. диагностика строится авторами патографий отнюдь не на анализе клинической картины (за редкими исключениями, никто ведь вживую её не наблюдал) – на умозрительных психологизмах да на терминологических выкрутасах. «Доказательств, что у выдающихся людей патологические черты бывают чаще, чем у других, мы так до сих пор и не видели» [9]. Психогигиенический намёк: единственная в своём роде автопатография В.Х. Кандинского обогатила психиатрию больше, чем все патографические изыскания, вместе взятые.⁷ Психопрофилактический намёк: симптомы искажённого понимания чувств и намерений других людей, некоторые формы бредаобразования связаны с нарушением функции оценочных суждений. Ну, а намекать коллегам на чувство меры, право же, неловко.

Изложенная В.Д. Менделевичем история с художником Петром Павленским [6] от той истории вековой давности отличается деталями, но не сутью. Вообще-то, разночтения диагноза «расстройство личности» совсем неудивительны. Ещё К. Шнайдер заметил: «... было бы совершенно неверно упрекать всех психиатров в том, что они лишь «навешивают ярлыки» и впадают тем самым в некий бессильный фатализм: «ничего не поделаешь, психопат». Многие на всякий случай выбирают что-то негативное

с этической или социальной точки зрения. Это тот же процесс, что и при «истерии»: всё более явный уклон в сторону оценки, морализирования. Следует по возможности живо, образно и без специальных терминов описывать человека, о котором идет речь: каков он, а также – в случае необходимости – в каких конфликтах находится. В заключение можно в определённых случаях добавлять: «При желании здесь можно говорить о психопатической личности». Действительно, по меньшей мере, во многих случаях именно так: *при желании* [13]. (курсив К.Ш.). Вот что удивительно: судебные эксперты-психиатры, пожелавшие установить Павленскому диагноз расстройства личности, считают ниже своего раздутого достоинства вступить с профессором В.Д. Менделевичем в конструктивную полемику, представить собственные контраргументы и обоснования соответствий диагноза пускай двусмысленным, но всё же, официальным критериям F60.3 МКБ-10.

К сожалению, за последние годы судебно-психиатрическая экспертиза в нашей стране превратилась в закрытую корпорацию неприкасаемой касты будто бы непогрешимых суперклиницистов. Психиатрическая общественность к коллегиальному обсуждению аргументации диагнозов и экспертных заключений не допускается. Придуман предлог: якобы, экспертиза, являясь судебным доказательством, может оцени-

⁶В 1937 г. немецкий фюрер указал рейхсминистру внутренних дел вплотную заняться вопросом модернистского искусства, чтобы «избежать дальнейшего наследование таких ужасных дефектов зрения». «Однако возможно также, – вещал фюрер, – что эти лица сами не верят в действительности в эти свои «чувствования» и «видения», но стараются, исходя из других побуждений – чтобы оскорбить нашу нацию этим безобразием, насмешкой. Тогда такие поступки относятся к области уголовного наказания. Отныне мы будем вести беспощадную очистительную войну против последних у нас элементов культурного разложения». А в 1962 г. один советский лидер воспринял картины художников-авангардистов «дерьмом», «говном», «мазнёй», самих окрестил «педерастами проклятыми» и потребовал запретить их деятельность.

⁷Имеется в виду работа «О псевдогаллюцинациях» (1890), в которой среди прочих клинических примеров Кандинский описал картину приступов своего заболевания как у псевдонимного военного врача Долиннина. Если бы мы пользовались тонко дифференцированной классификацией, которую разработал выдающийся немецкий психиатр К. Leonhard [12], то назвали бы болезнь Кандинского циклоидным психозом.

ваться только следователем, прокурором и судом.⁸ Чтобы в наши дни обладать правом полноценного участия в экспертизе, специалист с приличным стажем, с опытом проведения сотен экспертиз, для получения сертификата судебного эксперта-психиатра должен бросить прежнюю работу и либо устроиться в государственное экспертное учреждение, либо уехать за свой счёт на несколько месяцев в Москву ради платной «профессиональной переподготовки». Абсурд нынешнего законодательства, лоббированного судебными психиатрами. Между тем, качество экспертиз с каждым годом падает. Мы это видим на примере пациентов, направляемых к нам судами на принудительное лечение.

«Посредственность обеспечивает свою безопасность стандартизацией» (Ф. Стане). Всё, что стандартизованному рассудку непонятно – это непременно признак ненормального, болезненного, угрожающего. Для одних акции Павленского – эпатаж, для других – подрыв моральных устоев, для третьих – членовредительство. У кого-то они вызывают страх, у кого-то – злобу, у кого-то – диагностический зуд. «Впрочем, это дело вкуса. De gustibus aut bene, aut nihil» (А.П. Чехов)⁹.

С оценками телесных самоповреждений надо бы поосторожней. Не будем же мы впадать в крайности подобно Ломброзо. Биомаркером нравственного притупления тот считал притупление болевой чувствительности, а доказательство находил в татуировках на теле «врождённых преступников». Раньше собственную плоть умерщвляли единицы – ради укрощения страстей, теперь многие – ради улучшения внешности. Может, и в этом тоже есть нечто морально возвышающее. В центрах радикальной косметологии и пластической хирургии – постоянный аншлаг. Ох, непросто психиатрам уследить за лихо меняющимися вкупе с модой моральными стандартами да лженаучными теориями!

«Бурлящий вулкан экзальтированной страсти разрушает привычные устои жизни, погружая последнюю, по мнению обывателя, в хаотическое состояние, но проходят года, и брошенная в жизнь истина начинает мерцать тихим неугасимым светом, с течением времени разгорается в пламя, согревающее сердце человеческое новой живой теплотой, украшающее жизнь новыми ценностями» [5].

С постмодерном искусство Павленского объединяет лишь перформанс – если перформансом можно назвать ваение живой скульптуры.

Нет в нём никакого конформизма, хаоса, андрогинности. Наоборот, в нём гражданственность и мужество, в нём авторская интерпретация истории с глубоким метафорическим смыслом и с завершёнными, целостными образами. Это синтез стилей модерна, и не только. Это символизм в соединении с импрессионизмом, реминисценции с полотен Врубеля и Ван Гога. В то же время, это чистый авангард: «Довольно грошовых истин. Из сердца старое вытри. Улицы – наши кисти. Площади – наши палитры» (В. Маяковский). Центральные фигуры художественных композиций – гротескные символы уродливой эпохи в сопоставлениях с классической эллинской культурой: с образом прикованного Прометея, с обвитым змеями Лаокооном. Здесь и обострённое восприятие людских страданий, и жертва, которую художник приносит собой своему народу. Главный же символ его творчества – торжество духа свободы, вызов новому витку декаданса великой русской культуры, о котором сейчас так много говорят.

Петра Павленский никого не зазывал своими акциями на безмозглый бунт. Он никому не причинил физического вреда. Он причинил моральный ущерб рабам и принёс моральную пользу свободным. Потомки будут судить – не стоит сомневаться, будут, – кто разрушал культурные ценности, кто их созидал. Судить они нас будут не по тому, кто и сколько успел взять от этой жизни, а по тому, кто и что именно привнёс в эту жизнь. Ну, а дверь Лубянки... всего лишь дверь. На то она и дверь, чтобы когда-то приоткрыться.

Нет истин в последней инстанции. Психиатру, как любому гражданину, очень даже полезно иметь собственное мнение, отчасти или полностью отличающееся от мнений, что изложены выше и ниже. Однако выражать гражданскую позицию

---

⁸В 2013 г. один из руководителей государственной судебно-психиатрической деятельности прислал на этот счёт председателю этической комиссии Правления Российского общества психиатров (РОП), занимавшейся тогда разбирательством по делу экспертизы Михаила Косенко, поучающее письмо. Предложение председателя комиссии опубликовать письмо на сайте РОП было отклонено. Имеется разъяснение видного российского юриста, опровергающее вымысел о противозаконности обсуждений и критики экспертных заключений в профессиональных кругах. Этот вымысел противоречит и международной практике: достаточно привести пример обсуждения спорных судебно-психиатрических экспертиз в статье I. Melle «Дело Брейвика и уроки, которые могут извлечь из него психиатры» (World Psychiatry, 2013).

⁹Фраза одного из действующих лиц «Чайки».

диагностическим способом неэтично и противозаконно. Врач обязан действовать исключительно в интересах больных и с одинаковым старанием оказывать помощь всем, независимо от их социального положения, вероисповедания, убеждений, других обстоятельств (ст. 6 «Приоритет интересов пациента при оказании медицинской помощи» Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан). Закон не предусматривает право врача исполнять свой профессиональный долг в интересах государства, общества, организаций или физических лиц, если это способно хоть как-то ущемить интересы больного.

Пора покончить с монополией приват-комментатора центрального телевидения, «психиатра-криминалиста» М. Виноградова. Нам тоже хочется приобщиться к высокой технологии дистанционной экспресс-диагностики. Но мы попробуем выйти из круга его стереотипий. Помимо шизофрении, есть ведь и другие формы психических болезней. В частности, неспособность понять иные взгляды, приписывание мотивов поведения другим людям, запелляционный тон с обилием оценочных суждений – типичные свойства эгоцентрического мышления. В рельефном очертании данный феномен мы обнаруживаем в случаях паранойи. «Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить» (Евангелие от Матфея).

Творчество – это возвышенная страсть. Поэтому фазы творческого процесса имеют много сходных элементов с проанализированной А.Ю. Егоровым [3] цикличной и лонгитудной динамикой нехимических аддикций. В фазе поглощённости волнующей проблемой творческая личность испытывает интенсивную потребность найти креативное решение, преодолеть абсурды реальности, осуществить связь своей глубинной сущности с миром. «В любом произведении искусства, великом или малом, всё до последних мелочей зависит от замысла» (J.W. Goethe). Поведение целиком подвластно поставленной задаче, определяется фантастической целеустремлённостью и азартом. Мобилизуется вся духовная мощь. Идёт титанический труд, наполняющий сознание и подсознание новым содержанием. Мучительная неудовлетворённость сочетается то с предвкушением эвристической эйфории, то с тревогой неудачи. Увеличи-

вается количество времени, проводимого в поиске разгадок. Утрачивается контроль: исчезает рассудочность, вытесняются иные мысли, мотивации, шаблоны эпохи и соображения собственной безопасности. Ставятся под угрозу перспективы безмятежной карьеры, а подчас и отношения с близкими. «Подходить с меркой морали к одержимому страстью столь же нелепо, как если бы мы вздумали привлечь к ответу вулкан или наложить взыскание на грозу» (S. Zweig). Однако на психиатра с уныло-графаретным воображением личность в этой фазе может произвести впечатление нервного, неуживчивого, неспособного организовать свой быт интроверта.

Творческое озарение (откровение, прозрение, инсайт) наступает неожиданно, по типу сновидного пароксизма (транса), иногда в сновидении. Оно вспыхивает в сознании в форме образных представлений, парадоксальных ассоциаций, символов, синестезий, аллегорий, ритмов под аккомпанемент неопишуемых экстаических ощущений. Это и есть бурный прорыв бессознательного, оплодотворённого предшествующим натиском интеллекта. «То, что обычно называют ощущением жизни, ощущением природы, ощущением мира становится более реалистичным, более непосредственным и, в то же время, метафизически более наполненным» (Jaspers K.).

Вслед за этим состоянием, отчасти напоминающим наркотический «приход», начинается фаза осмысления, кристаллизации и воплощения творческой идеи. Гений испытывает великое счастье постижения тайны, высшую гармонию, божественное вдохновение. От былого напряжения, отрешённости не остаётся следа. В отличие от короткой бестолковой эйфории после приёма ПАВ, эмоциональный и интеллектуальный подъём длится месяцами, сопровождаясь чрезвычайно продуктивной деятельностью. Нет регресса высших мотиваций, нет повышенной отвлекаемости, скачки идей, незавершённости начатых дел – нет ничего, что могло бы достоверно указать на маниакальный приступ. Используемые в творчестве символические метафоры являются носителями общечеловеческих, философских, конкретно-исторических смыслов. Это коренным образом отличает их от символизма в творческой продукции больных с органическими и шизоф-

реническими процессами, в котором проецируется болезненная симптоматика: стереотипность, формализм, застревания на деталях, замещение, шифрование или разрыв смысловых связей.

«Быть «нормальным» – идеал для неудачников. Но для тех, чьи способности намного выше среднего, кому нетрудно было достичь успеха, выполнить свою долю мирской работы, – для таких людей рамки нормы означают прокрустово ложе, невыносимую скуку, адскую беспросветность и безысходность» (С.Г. Jung). Вслед за реализацией творческого замысла в жизни гения наступает период, который вполне можно сравнить с фазой воздержания при аддикциях. Без любимого дела он ощущает душевный дискомфорт, постоянно возвращается к терзающим его мыслям и неспособен остановиться: ведь состояние изнуряющего творческого азарта ему гораздо предпочтительнее обыденного благополучия. Чтобы снова испытать радость открытия, он «наращивает дозы», стремится покорять всё новые «сверкающие изумрудным льдом» вершины – так, как это воспел Владимир Высоцкий. Творческая страсть обогащает личность, умножает её масштаб, совершенствует мастерство и вносит вклад во всемирный банк человеческого познания. Низкая, эгоцентрическая страсть-аддикция всегда ведёт к личностной деградации.

«Язык, подчёркивающий в слове «страсть» его родство со страданием, прав, хотя в повседневном употреблении, говоря «страсть», мы подразумеваем скорее судорожный порыв, удивляющий нас, и забываем, что речь идет о душевном страдании» (А. Camus). Союз свободного духа с творческим даром означает роковую обречённость личности к бурной, тревожной, часто недолгой жизни. Но ведь «не тот человек больше жил, который может насчитать больше лет, а тот, кто больше чувствовал жизнь» (J.-J. Rousseau). Так же, как запой пьяниц закономерно сменяются трезвыми периодами, взлёты предельно напряжённого труда сменяются спадами активности. Они жизненно необходимы для восстановления функциональных ресурсов мозговой деятельности. Смена циклов детерминирована биологическим механизмом и неподвластна волевому управлению. Фазу «вынужденного простоя» творческая личность переживает намного тяжелее, чем наркоман «ломку». Для неё

это глубокая душевная драма, пустота, бессилие, невыносимая душевная боль с представлениями о навсегда постигнутой утрате интуиции, воображения, креативности, о несбыточной мечте, без которой жизнь бессмысленна. Да, по многим признакам такое состояние можно называть депрессией. Но это не та депрессия, которую мы видим в клинической практике. В частности, нет утраты интересов и симптомов идеаторного торможения. Причина совсем не в патофизиологии. Никому из гениев психиатрическое вмешательство пользы в таких случаях ещё не принесло. Скорее, наоборот. О.Ф. Ерышев и А.М. Спринц в книге «Личность и болезнь в творчестве гениев» [4] – редком образце вдумчивого обращения к этой деликатной теме – привели удручающий пример последствий электросудорожной терапии депрессии Эрнеста Хемингуэя. По завершении курса лечения, незадолго до самоубийства гений объяснял желание уйти из жизни так: «Теперь я не могу писать.... Эти специалисты по электрошоку не знают, что такое писатель.... Всех психиатров надо заставить заниматься литературным трудом, тогда они хоть что-то начнут понимать.... Это было блестящее лечение, вот только пациента потеряли. У меня больше не будет весны.... И осени тоже. Что происходит с человеком, который понимает, что никогда не напишет тех романов и рассказов, которые обещал себе написать?.. Да как писатель может стать пенсионером? Чемпионы не уходят на покой, как простые люди.... Я больше не могу писать. И поэтому мне незачем жить». ... NB.: в эти же самые дни психиатры оценивали результат своего лечения как положительный [4].

Конечно, взлёты и падения творчества в жизни гениев при желании можно сопоставлять с циклотимией, с биполярным расстройством или, подражая Ломброзо, с «латентной эпилепсией». Только вот ставить знак равенства между ними не стоит. Экзистенциальный кризис и эндогенная депрессия – не синонимы.

Независимый ум, обострённая чувствительность, колоритная самобытность проявляются во всех аспектах жизни гения. В том числе, увы – в неизбежной борьбе с «жадной толпой стоящими у трона», «таящимися под сенью закона» невеждами, клеветниками, опричниками (М.Ю. Лермонтов). Похоже, однако, что до XIX

века гении жили дольше, суициды совершали реже. В этом отношении иллюстративна многовековая особенность национальной культуры: «поэт в России – больше, чем поэт» (Е. Евтушенко). Здесь «гордый дух гражданства» считается угрозой. Удобнее для власти «квасной патриотизм»¹⁰. Сменяется элита – таланты признаются. Не каждый успевает до этого дожить.

На практике постановку диагноза «расстройство личности» обуславливают конкретные обстоятельства, в которые личность угораздило попасть. В частности, без военной службы по призыву число обладателей диагноза уменьшилось бы в разы. Но ещё в I Мировую войну французский психиатр Р. Chavigny подметил: «Многие лица, не сумевшие в мирное время приспособиться к жизни, молодые бездельники, иногда с криминальными наклонностями, успевшие прийти в столкновение с обществом и с уголовным законом, оказались прекрасными и даже выдающимися, чрезвычайно находчивыми солдатами. С другой стороны, многие хорошие солдаты, добрые, послушные и исполнительные в мирных условиях, оказались несостоятельными во время войны; у них очень часто бывали вспышки бреда и спутанности» [10]. Итак, если обстоятельства круто изменяются – у кого, спрашивается, «расстройство личности» следует диагностировать, кому, наоборот, диагноз надо срочно отменять? Кто сказал, что великие победы одерживают «гармоничные»? «Дуплистое дерево скрипит, да стоит; крепкое валится» (русская пословица).

Судя по публикациям, пальму первенства среди американских граждан, титулованных «пограничным расстройством личности», ныне удерживают феминистки. Раньше в статистике лидировали представители других, оставшихся в истории протестных движений. Есть неувязка: через 10 лет после установления диагноза критериям DSM продолжают соответствовать лишь единицы. В пожилом возрасте «расстройства личности» и вовсе куда-то испаряются [11, 14] – тогда как им вроде бы положено «стойко сохраняться на всём протяжении жизни». Это понятно. Ведь свойства юности – частые перемены настроения, интенсивность эмоций, нестабильность устремлений, порывистость, склонность к риску, к экспериментам с алкоголем и некоторыми иными ПАВ – de facto критерии «пограничного расстройства личности». Дело в том, что ОФК созревает позже лимбических структур. Асинхрония развития мозга подвержена сильным

индивидуальным вариациям. Некоторые уже в школе обнаруживают задатки будущего бюрократа. У других психика невероятно подвижна и пластична до старости.

А вы, читатель, с юных лет такой вот степенный, во всём рациональный? Вы мечтали жить в бесцветном мире, где не будет самоуглублённых «шизоидов», въедливых «ананкастов», борющихся со злоупотреблениями «параноидных личностей»? Вас никогда не привлекали холодные, театральные, соблазнительные «истерички»? Вы были равнодушны к тёплым, ищущим вашей поддержки «зависимым» домоседкам? Вас не волновали образы литературных героев, биографии выдающихся людей? Правда ли, что в молодости вас чуть было не причислили к лику святых? Или в штат райкома партии?

В «Пособии по психиатрии для инакомыслящих» [2] советские диссиденты В.К. Буковский и С.Ф. Глузман¹¹ констатировали: «В практической психиатрии пользуются условным эталоном психического здоровья, удобным, простым и понятным, т.н. эталоном «рантье, стригущего купоны». «Рантье» – это человек невысокого интеллекта, буржуа по своим вкусам; скорее цивилизованный, чем культурный, не желающий рисковать..., не увлекающийся; лишённый способности к какому-либо творчеству, оплот любой власти; путеводным маяком ему в жизни служит инстинкт самосохранения. Жизнь его однообразна, но зато спокойна: он считает свой жизненный стиль единственно правильным, самым мудрым и безопасным в океане невзгод, рытвин и катаклизмов нашего существования». Авторы «Пособия» поделились наблюдениями: указанному эталону удачно соответствует «средний психиатр» [2].

Отчего же не хочется распознать такое соответствие лично в себе?

«Тьмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман» (А.С. Пушкин).

¹⁰«Квасной патриотизм» – ироничное выражение русского поэта П.А. Вяземского (1827). Он писал: «Многие признают за патриотизм безусловную похвалу всему, что своё. Turgot называл это лакейским патриотизмом... Я полагаю, что любовь к отечеству должна быть слепа в жертвованиях ему, но не в тщеславном самодовольстве; в эту любовь может входить и ненависть. Какой патриот, какому народу ни принадлежал бы он, не хотел бы выдрать несколько страниц из истории отечественной, и не кипел негодованием, видя предрассудки и пороки, свойственные его согражданам?»

¹¹С.Ф. Глузман – киевский психиатр, бывший политзаключённый, ныне президент Ассоциации психиатров Украины, директор Международного медицинского реабилитационного центра для жертв войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Смысл творчества (Опыт оправдания человека). М.: Изд-во Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1916. 358 с.
2. Буковский В., Глузман С. Пособие по психиатрии для инакомыслящих. Хроника защиты прав в СССР, 1975. № 13. С. 36–61.
3. Егоров А.Ю. Нехимические зависимости. СПб: Речь, 2007. 190 с.
4. Ерышев О.Ф., Спринц А.М. Личность и болезнь в творчестве гениев. СПб: НИПНИ им. В.М. Бехтерева, 2010. 299 с.
5. Карпов П.И. Творчество душевнобольных и его влияние на развитие науки, искусства и техники. Л.: Государственное издательство, 1926. 140 с.
6. Менделевич В.Д. Казус художника-акциониста Петра Павленского: психопатология или современное искусство? // Неврологический вестник. 2016. №1. С. 4–16.
7. Сироткина И.Е. Классики и психиатры. Психиатрия в российской культуре конца XIX – начала XX века. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 272 с.
8. Якобий П.И. Основы административной психиатрии. Орёл: Типография Губернского Правления. 1900. 691 с.
9. Bumke O. Культура и вырождение (Kultur und Entartung). [Пер. с нем. под ред. П.Б. Ганнушкина и предисловием В. Волгина и П. Ганнушкина]. Издание М. и С. Сабашниковых, 1926. 161 с.
10. Chavigny P. О душевных болезнях во французских армиях (Реферат С. Суханова) // Психиатр. газета. 1915. № 22. С. 366–367.
11. Cohen B.J., Nestadt G., Samuels J.F. et al. Personality disorder in later life: a community study // Br J Psychiatry. 1994. Vol. 165(4). P. 493-499.
12. Leonhard K. Akzentuierte Persönlichkeiten. Berlin: Fischer, 1976. 328 s. / Леонгард К. Акцентуированные личности. М.: Феникс, 1989. 558 с.
13. Schneider K. Klinische Psychopathologie. Stuttgart: Georg Thieme Verlag, 1950. / Шнайдер К. Клиническая психопатология [Пер. с нем.] Киев: Сфера, 1999. 236 с.
14. Stevenson J., Meares R., Comerford A. Diminished impulsivity in older patients with borderline personality disorder // Am J Psychiatry. 2003. 160(1). P. 165–166.

REFERENCES

1. Berdyaev N.A. *Smysl tvorchestva (Opyt opravdaniya cheloveka)*. Moscow: Izd-vo G.A. Lemana i S.I. Sakharova, 1916. 358 p. (in Russian)
2. Bukovskii V., Gluzman S. *Posobie po psikiatrii dlya inakomyshlyashchikh. Khronika zashchity prav v SSSR*, 1975. № 13. pp. 36–61. (in Russian)
3. Egorov A.Yu. *Nekhimicheskie zavisimosti*. St.Petersburg: Rech', 2007. 190 p. (in Russian)
4. Eryshev O.F., Sprints A.M. *Lichnost' i bolezni v tvorchestve geniev*. St.Petersburg: NIPNI im. V.M. Bekhtereva, 2010. 299 p. (in Russian)
5. Karpov P.I. *Tvorchestvo dushevnobol'nykh i ego vliyaniye na razvitiye nauki, iskusstva i tekhniki*. Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1926. 140 p. (in Russian)
6. Mendelevich V.D. *Nevrologicheskii vestnik*. 2016. №1. pp. 4–16. (in Russian)
7. Sirotkina I.E. *Klassiki i psikiatriy. Psikiatriya v rossiiskoi kul'ture kontsa XIX – nachala XX veka*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. 272 p. (in Russian)
8. Yakobii P.I. *Osnovy administrativnoi psikiatrii*. Orel: Tipografiya Gubernskogo Pravleniya. 1900. 691 p. (in Russian)
9. Bumke O. *Kul'tura i vyrozhdienie (Kultur und Entartung)*. [Per. s nem. pod red. P.B. Gannushkina i predisloviem V. Volgina i P. Gannushkina]. Izdanie M. i S. Sabashnikovykh, 1926. 161 p. (in Russian)
10. Chavigny P. *Psikiatr. gazeta*. 1915. № 22. pp. 366–367. (in Russian)

Поступила 26.10.16.